

Содержание

Елизавета Дворецкая ЗЕРКАЛО ЦАРЕВНЫ.....	5
Мария Роше БОЛЬШОЙ КУШ	43
Оксана Заугольная ЗАБЕРИ МЕНЯ ДОМОЙ.....	57
Родион Вишняков ЧУЖДАЯ КРОВЬ.....	73
Анна Гурова ПРОПАЩАЯ ДУША.....	93
Элина Лисовская ПОКА ТЫ РЯДОМ.....	111
Антон Темхагин ЖИВИЦА	137
Дарина Стрельченко С НАПЁРСТОК НАДЕЖДЫ	175
Евгений ЧеширКо ТЁМНАЯ ИСТОРИЯ.....	189
Александра Уба ГОРНЫЙ БАТЮШКА.....	225
Рина Солнцева ПАДАЛИЦА.....	271

Ульяна Скибина
ХОЗЯИН БОЛОТА 285

Диана Чайковская
МОЛЧАНИЕ МЁРТВЫХ..... 331

Иван Белов
ГОЛОС МЁРТВОГО ЛЕСА.....349

Елизавета
Дворецкая





ЗЕРКАЛО ЦАРЕВНЫ

— 3

амуж... Нет... Замуж... Нет... Замуж...

Малашка шла вдоль Кириллова тына, хлопая рукой по каждому колу, — пока не дойдёт до конца и последний кол не обозначит её судьбу. В холодном тёмном небе светила полная луна — Покров¹ нынче совпал с полнолунием, разве ж можно такой случай упустить? На рассвете шёл мелкий и колкий снег, и, хотя уже к полудню от него ничего не осталось, зима подала весть о скором приходе. Близилась пора сватовства и свадеб, и те из юных жительниц села Зольни, что до сих пор сидели в девках, очень хотели знать, дождутся ли сватов до Рождественского поста².

— Замуж... Нет! — с горьким отчаянием воскликнула Малашка, стукнув последний кол, будто он был виноват. — Ульянка, ну что ж это такое! Опять мне нету доли!

— Скучно ты гадаешь! — со смехом ответила ей Ульянка, ждавшая у другого края тына. — Надо по-другому.

— Как?

— Как Авдотья гадала на прошлые Святки. Смотри!

Ульянка подняла руку хлопнула по первому колу:

— Молодец... Вдовец... Молодец... Вдовец...

¹ Праздник Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября (здесь и далее даты даны по новому стилю).

² Рождественский пост длится с 28 ноября по 6 января, в это время свадьбы не играют.



— Удалец! — смеясь, крикнула ей из-за спины подруга Домна.

— Удалец! — повторила Ульянка. — Купец! — нарекла она следующий кол. — Кузнец!

— Ловец! — давясь от смеха, подсказала Домна.

— Ловец! Э... Жнец!

— Слепец!

— Да ну тебя, зачем мне слепой муж! Чтец! Швеc!

— Гонец!

— Храбрец!

— Льстец!

— Певец!

— Скупец!

— Себе скупца возьми, надо мне очень! Мудрец!

Так они перебрали, сгибаясь от хохота, лжеца, глупца, гордеца, пловца, шельмеца, сорванца, юнца, пришлеца... Ульянка уже больше держалась за колья, чем хлопала по ним, а Домна шла сзади и всё подсказывала новых женихов.

— Чернец!

— Беглый, что ли? Всё равно грех!

— Это будет беглец. Не хочешь — тогда огурец!

— Это я что же, буду огурчика? Ой, мать божья! Помрёшь с тобой!

Вперемешку перечисляя это пёстрое общество, путаясь и повторяясь без всякого порядка, Ульянка добралась до конца тына.

— Стрелец, беглец, пришлец, боец...

— Мертвец! — вдруг сказала Малашка, когда рука Ульянки зависла над последним колом.



— Да ну тебя! — Ульянка отдернула руку. — Напророчишь тоже!

— Всё это грех — судьбу пытаться! — так же обиженно ответила Малашка. — Отец Николай осуждает. Говорит, кто гадает, тот с самим лукавкой, бесом лукавым, спознается.

— У отца Николая есть попадьё! — ехидно напомнила Домна.

Все знали, что Малашка зачастила на службы к Петру и Павлу в сельскую церковь, с тех пор как прибыл на смену почившему отцу Феофану молодой отец Николай. С рыжеватыми пышными волосами, ясным лицом и приветливым взглядом, тот сразу понравился всем бабам, и даже кое-кто из девок стал провожать его глазами, хотя, разумеется, у попа имелась попадьё, матушка Клавдия.

— А без гадания замуж не выйди! — продолжала Домна. — Отец Николай, что ли, тебе женихов искать будет? — понизив голос, зашептала она. — Пока сама не постарайся, ничего тебе не будет.

— Да почему ж это?

За соседним тыном залаяла собака, встревоженная их голосами, и все три разом обернулись на звук.

— На восход! — определила Домна.

— У дядьки Терентия нет женихов!

— Какие ж деревни в той стороне? Жадино да Ивось. Оттуда ждать...

— Не, ты скажи, почему без гадания не выйдешь?

— Ты не слышала, как моя бабка Федора об этом говорила? — спросила Ульянка.

— Нет. Я её и не помню почти.



Малашка была помоложе подруг года на три, заневестилась только что.

— Да, ты ещё с малыми девчонками сидела, — вспомнила Домна. — А она, пока была жива, нас к себе по зимам на беседы пускала. Федора была бабка богата, ей наши подношения без надобности, а только, говорит, вы мне будете летом огород полоть, и приходите, сидите.

— Да ей скучно было одной, а тут мы, — подхватила Ульянка. — Болтаем, смеёмся, она нам рассказывала много всякого про старые времена. Как она девкой была, как замуж выходила. Она сама тоже гадала тогда, — снова зашептала Ульянка. — Однажды, зим пять или шесть назад, буран был такой, что только вдоль тына пробираться, мало кто на беседу пришёл...

— Ты да я, да Катерина с Авдотьей, да Прокопова Машка, — подхватила Домна. — Больше никого не было.

— Сидим ты тихо, прядём, слушаем, как метель шумит, ветер воет, только свеча трещит, — полушёпотом рассказывала Ульянка, поглядывая на луну и звёзды. От вида полной луны на тихом небе среди тёмного, тихого села ей было страшновато, хотелось уйти от взгляда этого желтовато-серебряного глаза. — Баба Федора и принялась рассказывать. Она вот что говорила. — Ульянка глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Она поняла бабу, мать своего отца, но с трудом подбирала слова, чтобы объяснить Малашке. — Она говорила, что суженый — он не просто так у всякой девки есть. Пока так сидишь — ничего у тебя нет.

— Это как грибы искать, — попыталась помочь Домна. — Может, и есть в бору тот гриб, что тебе на-

значен, да коли ты в лес не пойдёшь, он сам к тебе не явится.

— Ну, вроде того, — согласилась Ульянка, подавив смех от мысли, что жених сидит в бору, во мху, накрывшись грибной шапочкой. — Может, он где и есть, может, в Беглово или в Живоди, да только его надобно сперва зацепить и к себе притянуть, его нитку со своей связать, а тогда и сватов ждать. А цепляют — через гаданье. Тут любой способ годится, но чем точнее узнаешь, тем вернее сбудется. Если не гадать, жениху дорожку не казать, так и он бобылём промается, и ты век в девках просидишь. Или свяжетесь с другими, будете не со своей долей оба горе мыкать.

— Чтoб судьба решилась, на тот свет надо заглянуть, — опять подхватила Домна.

— Страшно!

— А ты как хотела? Волков бояться — грибов не собирать, а то ведь не гриб... — Домна да и Ульянка с ней заодно снова фыркнули, вообразив жениха-боровика. — Это судьба твоя. За неё и постараться можно.

— Анфуска вон тоже всё греха боялась — так в девках и осталась, теперь уж кто её возьмёт. А Катерина гадала, и Авдотья гадала на Святки — вот всё у них и сладилось. Я тоже буду.

Ульянка была младшей из трёх дочерей Сергея Митрофановича, по прозвищу Осина. С прошлых Святok вышли замуж две её сестры. На Катерину, самую старшую, давно заглядывался Севастьян, сын богача Силантия из Ежово. Силантий всё хотел себе сноху побогаче Катерины, но летом вдруг оказалось, что некому жать: бабу скрутил утин³, старшая невестка принесла двойню и всё болела. Силантий

³ Утин — народное название радикулита.



сказал: «Сватайтесь к кому хотите, лишь бы отдали побыстрее». На апостолов Петра и Павла⁴ Севастьяна с Катериной повенчали. Тут возликовала и Авдотья, вторая сестра: она давно водилась с Андреяном, парнем своего же села, но среднюю дочь не выдадут вперёд старшей, вот они и ждали, пока Катерина уйдёт с дороги. Андреян поспевался сразу, как окончилась страда, чтоб никто дорожку не перебежал, — не он один дожидался, пока красивой Авдотье придёт пора под венец. Свадьба была совсем недавно, и подружки ещё хорошо помнили всё действо и суету, плач и причитания. А Ульянке с тех пор не давало покоя ожидание: теперь её черёд! Вот-вот для неё запоют, завеличают, впервые в жизни назовут не Ульянкой, а Ульянушкой Сергеевной!

Но кто это будет? С кем она встанет на рушник под благословение родительское?

— Мы на Святки гадали, — шептала она Малашке и Домне в тишине под Кирилловым тыном. — Верю слушали, как скрипит. Катерина услыхала, будто кнутом хлопает, загоревала — не быть ли за пастухом, вот унылое будет житьё! А это она слышала, как бьют коней погонять, когда снопы с поля повезут после её свадьбы. Авдотья услыхала, будто молот бьёт, — Андрияшка как раз у кузнеца в подручных. Обрадовалась, а Катюня ей в досаде говорит: да ты придумала, чего хотела услышать, то и услышала. Та ей — нет, когда мы годом раньше кур в курятнике брали, мне чёрная попалась, а Андрияшка волосом чёрен. Катюшка ей: не только волосом, ещё и рожа чёрная после кузни, как у чёр... — Ульянка прикрыла рот рукой, чтобы не помянуть нечистого, — у головешки какой! А вот году не прошло, у обеих всё сбылось!

⁴ День апостолов Петра и Павла, 12 июля.



- Так а ты, — теребила её Малашка, — ты-то что услышала?
- А я... Невнятное что-то. Будто даже колокол...
- Ой! К похоронам! — вырвалось у Малашки.
- Авдотья мне говорит: быть тебе за попом! — Ульянка усмехнулась. — Да где ж у нас тут взять неженатого попа!

Все три вздохнули, помолчали.

- Машка Прокопова зовёт на росстань⁵, на воловьей коже сидеть, — сказала Домна. — Да ей Машка Савельева сказала: ни за какие коврижки, хоть озолоти меня, хоть царского сына дай — не пойду на росстань. Уж больно страшно!
- Ради царского сына я б пошла! — усмехнулась Ульянка. — Ничего тебе на росстани не сделается. Главное — не забыть хлеб, нож на кожу положить и тем ножом кругом очертиться — никто к тебе туда не войдёт. А, Малашка! — Она подтолкнула подругу. — Пойдём на росстани сидеть, смотри, вон и луна какая! Выслушаем себе по сыну царскому, боярскому!
- Да ты только на словах такая смелая!
- А вот и нет!
- Что же не пойдёшь?
- Я уж сколько раз... Глубоко моя судьба запряталась. — Ульянка вздохнула, вспоминая прошедшие годы, напрасные попытки выцепить судьбу. — Когда кур брали — мне рыжая с белым попалась, пеструшка, а где же такого парня найдёшь? Был в Беглово один рыжий — на тамошней женился. А ходили

⁵ Росстань — перекрёсток в поле или лесу.



у прохожих имя спрашивать, как пришёл мой черёд, я выхожу, только слышу — идёт кто, рот открываю, гляжу: а это отец Николай! Я и заробела, он бы разбранил. Так и смолчала. А теперь вон...

Ульянка прикусила губу изнутри: вспомнила, что Кириллов тын, у которого они так и стояли, напрозорчил ей мертвеца. Не надо было так уж смеяться. Молодец, вдовец, купец, кузнец... Да кузнецов неженатых в волости вроде больше нет, а купцу приданое богатое подавай... Сергей же, хоть и был хозяином толковым и достаточным, при трёх дочерях и четверых сыновьях горы золота раздавать не мог.

Они немного поспорили, можно ли считать, что жениха зовут Николаем, если она не задала вопроса, а сама знает имя встречного. По улице прошли два мужика, с любопытством поглядели на девушек, спросили у Малашки, дома ли отец. Мужики прошли, и девушки следом тронулись дальше.

«Да ну, глупости!» — успокаивала себя по дороге Ульянка. Хоть на беседах в долгие тёмные вечера любят рассказывать всякие страсти про гостей-мертвецов, она никогда не слышала, чтобы в Зольне, или в Ежово, откуда родом мать, или в Свитони, где вышла замуж её тётка Катерина, хоть один мертвец пришёл на самом деле. Лежат они на погосте у Петра и Павла, не шелохнутся...

Три подруги шли мимо большой избы, пустой и тихой: ни дымом, ни навозом возле неё не пахло, за оконцем не мерцал свет. Перед воротами все три невольно остановились, вспоминая свой разговор. В этой избе жила когда-то Федора Васильевна, мать Ульянкиного отца. Была она рода старинного в этих местах и богатого. Сама вырастила семерых детей, доживала век при младшем Якове, да он умер раньше неё, а вдова молодая вышла замуж в другое село. Бабка осталась одна, жить к себе никого не звала, хотя сыновья с невестками и подросшие многочисленные внуки вся-



кий день приходили к ней работать по хозяйству. Ульянка ей чем-то полюбилась больше других, и бабка разрешала ей ещё при своей жизни выбрать что-то из платья и старых её украшений, что самой бабке уже было не нужно, для будущего приданого. Умерла она два года назад, и с тех пор изба стояла пустая. Хотели в неё переселиться и многодетный дядя Захар, и Василий — старший сын дяди Дементия, но дело не ладилось: кого сны томили нехорошие, а кого и домовый душил: не принимает, значит. Так изба и пропадала даром, а была хорошая, просторная. Проходя мимо, Ульянка вздыхала тайком, вспоминая бабкины пироги и семейные застолья по праздникам, когда собиралось столько народу, что детей загоняли на печь и на полати. Она помнила, как девчонкой лет семи смотрела с печи на сватов, пришедших за младшей тёткой, окрещённой чудным именем Анимаида, и как тётя Аня, согласная на замужество, ковыряла печь⁶ прямо возле свесившей голову Ульянки. Тогда та лишь радовалась зрелищу и ещё не думала: когда же мой черёд? Ох, как давно это было!

— Сидела бы я, девушка,
Ровно двадцать лет, — вдруг запела неугомонная
Домна.

— Любила бы молодчика
Семнадцати лет...

— Куда тебе такого молодого, нельзя! — обернувшись
к ней, со смехом сказала Ульянка.

— Восемнадцати лет! — поправилась Домна.

⁶ Согласно принять сватовство невеста не говорит этого вслух, а принимается ковырять печь: в этом глубокий архаичный смысл, намёк на прощание с родовыми чурами, живущими в печи.



И они запели вместе:

— *Такого хорошего,
Что и в свете нет!
Личико румяное,
Ровно маков цвет.
В кафтанчик лазоревый
Миленький одет.
Глазки его ясные,
Словно самоцвет.
Как пришло мне с миленьким
Расставаньице —
Не мил мне и белый свет!*

Проводив Ульянку до Сергеева двора, Малашка ушла к себе, Домна ещё немного задержалась.

— Я знаю, что была то за курица, — загадочно сказала она, когда Малашка скрылась в густых сумерках.

— Курица?

— Ну, рыжая с белым, какую ты тогда с насеста сняла. У моей тётки Ирины в Иводи есть племянник — сам рыжий, а зимой, как загар сойдёт, лицом белый, как сметана, только в конопушках...

— Ой, нет! Мне такого не надобно.

— Ой, подруга, ещё осень-зиму так просидишь, и не такому будешь рада. Чтоб только не как Анфуска... А то что-то ловля наша не ладится.

— Видно, нужно посильнее удилища. Куры, колья, пехи — вздор всё это.

— А что не вздор?

— А вот что... Говорят, самое верное гадание — это с зеркалом.



- С зер... ой, окстись! — Домна перекрестилась. — Коли смотреть в тот свет, то в зеркале он самый и есть! Отец Николай как-то говорил — попам дома зеркала иметь и запрещается, потому что оно грех!
- Мы-то с тобой не попы! А смотреть и надо в тот свет. Пока через тот свет жениху дорожку не проложишь, — чуть слышно зашептала Ульянка, — не найдёт он тебя.
- Да у нас и зеркал-то в селе ни у кого нет! Экая ведь диковина! Может, у боярынь да цариц водится. А у нас лохань с водой. И то страшно.
- Зеркало-то есть! — зашептала Ульянка в самый платок склонившейся к ней Домны.
- Да ну! — Та вскинула на неё глаза. — Где?
- Вон там. — Ульянка показала наискось через улицу на пустую бабкину избу. — У бабы Федоры.
- Шутишь!
- Нет. Она мне показывала его, нам с Катюней. Давно, мы ещё девчонки были. В ту зиму, кажись, как начали на младшие посиделки ходить.
- И никто из ваших его не забрал?
- Вроде бы нет. Я не слышала. Я знаю, где баба Федора его прятала. Пойти поискать...
- Когда же? На Святки?

Ульянка заколебалась. Гадать о женихах положено на Святки, ещё можно на Аграфену Купальницу. Покров — единственный день за всю осень, когда это тоже можно делать. Когда девицы нарядные с утра идут в церковь, ставят к иконе свечу и просят: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня женишком». Потом стоят всей гурьбой на паперти, а старухи, матери женихов, рассматривают их и спрашивают: а эта девочка чья такая хорошенькая? Се-

